

ОСКОЛОК

Лидия Евгеньевна Левина родилась в Тольятти, детство провела в селе Большое Алпаево, школу окончила в селе Аксаково Бугурусланского района, а педагогическое училище – в Бугуруслане. Училась в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Стихи печатались в районной и областной периодике, поэтических сборниках, антологиях «Вечный берег», альманахе «Гостиный Двор». Автор книги стихов «Украя дождя». Живёт в селе Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области.

Война всегда была самым лучшим двигателем науки и прогресса. Но чем дальше заходило развитие средств уничтожения, тем сложнее становилось восстанавливать территории после сражений. Разрушенная инфраструктура, оборванные экономические связи, загрязнённая среда... Война становилась не слишком выгодным делом в условиях взаимопроникновения экономик враждующих государств.

Выход был найден неожиданный, но устроивший всех.

Войну перенесли в виртуальное пространство.

Оснастить каждое подразделение специальным снаряжением, позволяющим вести сражения, было достаточно дорого. Но эти суммы не шли ни в какое сравнение с общей суммой расходов на восстановление, например, разрушенных городов. А ведь были ещё и потери в дорогостоящей технике.

Техника, к слову, никуда не делась. Она производилась и совершенствовалась, но в сражениях не участвовала. Армия сохранила все подразделения и рода войск, специальные комиссии вели детальный учёт матчасти: взять с собой в виртуальный мир можно было только то, чем государство располагало в мире реальном. Да, в том числе и ядерное оружие. Но использование средств массового поражения влекло за собой бан, лишаящий страну возможности участвовать в войнах. Провинившимся оставалась только локальная сеть страны, где они могли оттачивать боевые навыки, сражаясь с условным противником.

Служба в армии стала обязательной для всех. Уклонистов сначала стало меньше, потом они и вовсе вымерли как вид. Появиться на людях без специального шеврона, указывающего на принадлежность к подразделению и звание, стало равносильно появлению без штанов — последнее бы не вызвало такого удивления. Общественное мнение такая вещь: сначала общество влияет на него, потом оно начинает влиять на общество. «Перед соседями неудобно», «что пацаны скажут...», «ой, девочки, я такую классную модель формы видела, закачаешься!» — и у следующего поколения вообще не возникает вопроса, как можно не служить. Это же не принято!

У шевронов была ещё одна особенность. По ним всегда

можно было узнать, сколько раз погиб владелец. Рекордсменов потихоньку переводили в тыловые службы: толку от них чуть, а важной и нужной единицы техники можно лишиться на всю войну. Ну и что — в гараже стоит? В бою-то значит уничтоженной, значит, использовать нельзя.

Перевод военных действий в двоичный код имел ещё одно последствие. Вместе с уклонистами вымерли карьеристы. Одним только лизанием нужных пяток пролезть в верхние эшелоны, когда продвижение зависит от успешности принимаемых решений и слаженности действий подчинённых, стало невыполнимой задачей. Можно обмануть начальство. Но как обмануть компьютер, бесстрастно фиксирующий всё происходящее? Хакеры, конечно, никуда не делись. Но размениваться на такие мелочи желающих находилось немного.

— ...таким образом, боевая задача усложняется. Нам нужно не только подавить укреплённую точку, но и деморализовать противника, — Илья обвёл взглядом бойцов. — Идеи?

— Да протащить туда боеголовку, шарахнуть, и всем хана, — лениво отозвался подрывник Жора.

— Угу, и схлопотать бан, — буркнул снайпер Ким. Ким был корейцем по происхождению и занудой по призванию. — Северяне в том году шарахнули по Белому дому. До сих пор сидят в

локалке. Деморализуем — факт, но не противника, а собственную армию.

— Ким, пора бы уже научиться понимать шутки, — всё так же лениво отозвался Жора. — Ну, вот смотри...

Он увеличил изображение. Бункер выглядел солидно. Очень солидно.

— Строили котлованным способом, — изображение начало медленно вращаться, позволяя разглядеть укрепление со всех сторон. — Но бункер полузаглублённый. О чём это говорит?

— О том, что копать пиндосы не умеют и не любят, — предположил молчавший до сих пор Миха.

— Там не пиндосы, там НАТО, — напомнил Ким.

— Те же яйца, вид в профиль, — отмахнулся Жора. — Когда строят такие табакерки, копать умеют, даже если не любят. Либо там скала, которую они рвать за долбались, либо близко грунтовые воды. По данным геологов, таких пород в этом районе нет. Значит, как только они закопались достаточно глубоко, у них под задницей стало хлюпать... Что нам это даёт?

— Мокрые сапоги и вид болотных леших на выходе, — вздохнул Илья. — Короче, Скифосовский!

— Ну, короче так короче, — вздохнул Жора. Потрепаться он любил ещё больше, чем Ким — понудить. Но если командир против...

Вращение картинки остановилось.

— Вот здесь у них вентиляция шахта. Спрятали они её хорошо, но сухое дерево среди вполне живых и здоровых лично у меня вызывает подозрения. А поскольку у нас там грунтовые воды, то пролегает шахта тоже не очень глубоко... Так вот, ночью скрытно подбираемся, закачиваем в шахту метан.

— Почему метан? — спросил Миха.

— Потому что датчики состава воздуха у них обязаны быть по умолчанию, — ответил за Жору Илья. — Расположены они обычно высоко. Метан — тяжёлый газ, будет оседать на пол и не вызовет тревоги.

— Ладно, допустим. А что такого устрашающего в том, что газ рванёт? — не унимался Миха.

— В том, когда именно он это сделает, — отозвался Илья. — У них там КЦ. И завтра там ожидают высоких гостей. Как думаешь, сильно впечатлится их армия, одномоментно оставшись без командования и половины правительства на целые сутки?

— Нуууу...

— Так вот. Спускаем шнур с мышью. И так же скрытно убираемся. Нас, естественно, засекают, если не совсем тупые, принимают за разведку, всячески бдят и проверяют всё, что у них вызовет подозрения, включая низко пролетающих птиц. Когда случится большой бум, будет уже поздно.

Акция устрашения удалась на славу.

Вид порхающей в небе многотонной бетонной крыши бункера впечатлил всех. Мгновенно погасший список имён высоких гостей над бункером — тоже. Войсковые чаты взорвались: с одной стороны истерическими запросами инструкций, с другой — командами. Закрепляя успех, армия перешла в наступление. К вечеру укреплённый район был взят.

Диверсионная группа, сняв шлемы и костюмы, неторопливо переодевалась в штатское, беззлобно подкалывая друг друга.

— Жора, запомни, взрывать бармена не надо! Даже если у него на бутылке написано «Коктейль Молотова»!

— Обносить тоже не надо, эти коктейли не взрываются.

— Да ладно, ты сам в девчонках дырок не наделай. А то опять стрельбу глазами перепутаешь со снайперской дуэлью...

— Илюх, а всё-таки, почему у тебя шеврон чистый? — задал давно интересовавший всю группу вопрос Миха. — Ну не верится, что ни разу полетать не отправлялся.

Командир вздохнул и сел на тактический стол, накрыв сидалищем вынесенный сегодня укрепрайон. Достал из кармана маленький плотный футляр, вытряхнул из него на ладонь кусочек металла с острыми краями.

— Вот, — сказал он, будто это всё объясняло.

— Что — вот? — бойцы сунулись смотреть.

Ким взял осколок двумя пальцами, внимательно осмотрел. Узкие глаза превратились в щёлочки.

— Осколок снаряда. Очень старый, сейчас таким сплавом никто уже не пользуется. Илья, ты его где взял и зачем с собой носишь?

— Помнишь, мемориальный комплекс переносили?

Помнила вся группа.

— Я тогда ещё в учебке был. Нас привлекли — там же могилы, нельзя техникой. Руками только. Когда добрались до останков...

Илья отобрал осколок у Кима.

— Там была могила одного из последних ветеранов. Их там хоронили, возле павших. И среди костей я нашёл вот это. Понимаете, солдат прошёл всю войну. Носил в себе этот осколок до самой смерти. Тогда медицина была не чета нашей, многое было недоступно. А он выжил — с куском железа в теле.

Ким открыл было рот — уточнить состав сплава, но получил два подзатыльника от друзей, шёпотом взвыл и заткнулся.

— У него не было шлема и вирг-костюма, — тихо сказал Илья. — У него не было суточного бана за гибель в бою. У него была только одна его жизнь. Он победил. Я тогда подумал: если он смог... значит, я смогу тоже.

Кусочек металла лёг в футляр. Щёлкнул замочек.

— Пока получается.